

СОХРАНЕНИЕ ПАМЯТИ О НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ: ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена характеристике основных форм международного сотрудничества, используемых в начале XX в. для сохранения памяти о значимых событиях военной истории. На основе архивных документов, материалов прессы и личных свидетельств анализируется подготовка, смысловое наполнение и отношение общества к участию России в коммеморативных проектах, реализуемых на территории Германской империи накануне Первой мировой войны. В центре внимания рассмотрение особенностей и проблем выстраивания нарративов о совместном боевом прошлом двух империй в рамках проведения международной выставки в г. Бреславль и открытия памятников в Лейпциге. Автором сделан вывод о том, что на реализацию коммеморативных проектов, приуроченных к 100-летию победы в наполеоновских войнах, оказывала влияние сложившаяся система международных отношений. За кулисами грандиозных торжеств скрывалось стремление Германской империи дать историческое обоснование своему внешнеполитическому курсу. Для российского государства участие в совместных проектах открывало возможность напомнить Европе о своей роли на международной арене и силе армии. Намечены перспективные направления дальнейших исследований проблемы.

Ключевые слова: политика памяти, коммеморативные практики, международное сотрудничество, места памяти, наполеоновские войны, сражение под Лейпцигом, Российская империя, Германская империя.

Введение. Проблемы, связанные с формированием и сохранением исторической памяти о войнах у различных социальных групп, наций, государств актуальны всегда. Исследовательский интерес к данной тематике обусловлен, с одной стороны, тем, что память о героическом прошлом представляет собой неотъемлемый элемент национального самосознания и идентичности российского общества. С другой — в условиях сложной международной обстановки осуществляется переоценка роли русской армии в различных войнах.

Накануне Первой мировой войны российское государство обращалось к военно-историческим сюжетам прошлого не только в целях объединения населения империи, но и для напоминания странам Европы о силе русской армии. В данном контексте увековечение памяти о войнах XIX столетия становилось одним из главных направлений политики памяти. Особое внимание отводилось коммеморации событий эпохи наполеоновских войн.

Похожие процессы наблюдались и в других европейских государствах, прежде всего, в Германской империи, которая активно использовала Освободительную войну 1813–1815 гг. в целях формирования основополагающего национального мифа. Приближающаяся 100-летняя годовщина по-

беды над французской армией способствовала активизации коммеморативной деятельности стран-участниц шестой коалиции. Обращение к данному сюжету позволит не только определить формы международного сотрудничества в области сохранения памяти о военных событиях накануне мирового конфликта, но и проанализировать взаимовлияние внешнеполитического курса и политики памяти.

Историческая память о тех или иных событиях выступала в качестве предмета оригинальных исследований на протяжении нескольких десятилетий. Труды П. Нора [1], А. Ассман [2] и др. в настоящее время представляют собой классические работы и служат ориентиром для новых научных изысканий. Р. Ю. Батищев [3], А. С. и Е. С. Сенявские [4] предприняли попытки теоретического осмысления феномена войны и ее роли в процессе формирования национальной идентичности. Д. Мосс в своем исследовании пришел к выводу, что накануне первого мирового конфликта в памяти произошло смещение акцентов от ужасов к значимости и славе войны [5, с. 50]. В. В. Лапин уделил внимание анализу влияния юбилеев начала XX в. на формирование памяти о войнах в российском обществе [6]. Ряд исследователей посвятил свои работы рассмотрению особенностей организации и проведения в России

торжеств, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г. [7–8]. Некоторые аспекты работы международной выставки в Бреславле были представлены в исследовании Л. П. Рудаковой [9] и коллективной монографии «Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев» [10]. Также научным сообществом были проанализированы лейпцигские торжества и участие в них русской делегации [11–12]. Несмотря на весь накопленный материал, в тени отечественной исторической науки остаются сюжеты, посвященные увековечению памяти о событиях 1813–1815 гг., поскольку внимание исследователей сосредоточено на рассмотрении коммеморативных проектов, реализуемых в пределах российского государства и направленных на собственное население. Дальнейшего изучения требует проблематика военной составляющей исторической памяти и влияние на нее внешнеполитического курса государства накануне Первой мировой войны.

Цель настоящей статьи состоит в реконструкции основных форм международного сотрудничества Российской и Германской империй в начале XX столетия по сохранению исторической памяти о наполеоновских войнах.

Одним из главных источников в данном исследовании стала делопроизводственная документация, включающая в себя рапорты, донесения, переписку между различными правительственными организациями. Данные материалы сохранились в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ), отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Важную роль сыграли заметки и статьи, опубликованные на страницах «Русского инвалида» и «Нового времени», использование которых позволило воссоздать отдельные аспекты коммеморативной деятельности начала XX в. Не меньшее значение сыграло обращение к воспоминаниям военного министра В. А. Сухомлинова [13], генерал-лейтенанта П. Н. Воронова [14], великого князя Кирилла Владимировича [15] и других лиц, принимавших участие в реализации международных коммеморативных проектов.

Условия для реализации совместных коммеморативных проектов. Война как элемент исторической памяти выполняет ряд функций, среди которых особое значение имеет формирование национальной идентичности и самосознания. Для России борьба с Наполеоном стала Отечественной войной, а для населения Германской империи — освободительной, подготовившей страну к объединению. Победа над великой французской армией являлась неотъемлемой частью национального героического нарратива обоих государств, что способствовало сохранению памяти о ней на протяжении длительного времени. Так, значимость события для каждой из стран-участниц военной кампании и совместный боевой опыт являлись одними из главных факторов для реализации общих коммеморативных проектов.

Необходимо также учитывать, что их воплощение зачастую зависело от конкретной международной обстановки, характера взаимоотношений между государствами, личных контактов и инициатив. Чествование национальных героев, воспоминание о наполеоновских войнах накануне Первой миро-

вой войны использовалось для решения актуальных политических задач. Россия, таким образом, получала возможность напомнить о своей роли на международной арене и силе армии. При этом российское государство стремилось избежать каких-либо действий, которые могли бы задеть национальные чувства своей союзницы — Франции. Германская империя, используя тезис об «освобождении ее от глубочайшего унижения» [16, л. 9 об.], обосновывала справедливость своих внешнеполитических притязаний. Так, разница в национальных исторических нарративах и международная обстановка оказывали непосредственное воздействие на государственную политику в области сохранения памяти о военных событиях.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о способах сохранения памяти о героическом прошлом на международном уровне. Наиболее удачным представляется разделение всех форм коммеморации, предназначенных для внешнеполитической арены, «на символические жесты, ограниченные по времени и количеству участников, и места памяти, локализованные в пространстве или во времени» [17, с. 182].

Международная выставка в Бреславле. В начале XX в. активно использовались коммеморативные практики, которые можно обозначить как символические жесты. По мнению К. А. Пахалюка, к ним относятся «заявления, выступления, конференции, торжественные церемонии» [17, с. 182]. На наш взгляд, в этот список также можно включить организацию международных выставок.

В г. Бреславль Германской империи 7 мая 1913 г.¹ состоялось открытие международной выставки, посвященной 100-летию окончания Освободительной войны 1813–1815 гг. На нее приглашались Россия, Швеция и Австрия, «именно те державы, войска которых участвовали в войне с Наполеоном после изгнания его из России» [18]. Для выставки было построено постоянное здание из огнеупорных материалов, состоявшее из 56 комнат. По замыслу организаторов мероприятие должно было представить «объективную картину того времени» [16, л. 9 об.], поэтому большое внимание отводилось сбору материалов «не только в Германии, но и в союзных тогда Пруссии государствах» [16, л. 10 об.].

Посол Германской империи в начале января 1913 г. обратился к военному министру В. А. Сухомлинову с просьбой прислать русскую коллекцию для ее демонстрации в Бреславле [16, л. 1]. Главное интендантское управление настоятельно рекомендовало военному министру в «случае признания участия в выставке в Бреслау — желательным, трофеи, особенно отбитые у французов» [19, л. 7], не отправлять.

15 января 1913 г. Николай II дал согласие на участие России в международной выставке. После чего была образована специальная комиссия по устройству русского отдела под руководством начальника Артиллерийского Исторического музея, генерал-майора Д. П. Струкова. 9 февраля 1913 г. был утвержден ее состав [20, л. 1]. В комиссию вошли специалисты различных отраслей, военные историки, среди которых делопроизводитель Военно-походной канцелярии Его Императорского Величества, гвардейский полковник В. К. Шенк, капитан лейб-гвардии Саперного батальона Г. С. Габаев, гражданский инженер, делопроизводитель технического комитета Главного Интендантского управления Ка-

зин, начальник Морского музея императора Петра Великого капитан I ранга А. А. Попов, художник-архитектор Императорской академии художеств Ф. Г. Бернштам, начальник Архива Министерства народного просвещения К. А. Военский. В сферу непосредственных задач органа входило устройство русского отдела, отбор, наблюдение за перевозкой и хранением экспонатов в Бреславле. На решение организационных вопросов был выделен специальный кредит в размере 10 тыс. руб.

Для организации работы русского отдела председатель комиссии Д. П. Струков трижды был командирован в Бреславль. Первая поездка предполагала ознакомление с помещением выставки [21, л. 3–3 об.]. В рамках второй осуществлялась транспортная перевозка экспонатов. Третий визит Дмитрия Петровича был приурочен к непосредственному открытию выставки в Бреславле, где он оставался до ее закрытия и отправления исторических предметов обратно в Россию [19, л. 34 об.]. Ему на помощь в распаковке и размещении экспонатов в разное время также направлялись и другие члены [22, л. 177].

Специальной комиссией был составлен список предметов, которые должны были представить «в общем собрании историческую картину военного могущества России в эпоху Освободительной войны 1813–1815 гг.» [16, л. 17]. Все экспонаты временно изымались из музеев, собраний императора, библиотек и императорской главной квартиры. Так, из Морского музея Петра Великого были отобраны 24 гравированных клинка эпохи Александра I, шашка конвойного казака генерала Ермолова, акварельные миниатюры, литографии и фотографии участников и современников войны 1813–1815 гг. [21, л. 6]. Ряд предметов был взят из частных коллекций П. Я. Дашкова, Ф. Г. Козлянинова, И. Д. Орлова. Член комиссии К. А. Военский из своего собрания предоставил 10 предметов стоимостью 1220 руб. Среди них можно было встретить игральные карты, печатные прокламации, трубку резную из дерева с серебряными украшениями, предметы быта и др. [20, л. 4]. В общей сложности для выставки было отобрано свыше 500 памятников [23, л. 10 об.], расходы по упаковке и перевозке которых брал на себя г. Бреславль [16, л. 2]. Муниципалитет силезского города гарантировал, что все предметы будут возвращены в целостности. К тому же все предметы были застрахованы от любых повреждений за исключением «ущерба, причиненного войной, беспорядками и землетрясениями» [16, л. 11 об.].

Необходимо отметить, что участие России в международной выставке стало причиной дискуссии, развернувшейся на страницах отечественных периодических изданий. В «Новом времени» была опубликована заметка, содержащая призыв не вывозить из музеев и галерей исторические и художественные предметы [20, л. 5]. К. А. Военский как член комиссии предпринял попытку успокоить общественность и доказать ошибочность взглядов своего анонимного оппонента. Константин Адамович настаивал на том, что только «торжественное предъявление неопровержимых свидетельств прошлого не позволит замолчать заслугу России в деле обретения Германией своей независимости» [20, л. 8].

По замечанию Д. П. Струкова, план устройства русского отдела (рис. 1) имел в основании «полнейшее устранение всего, чтобы могло обидно затро-

Рис. 1. Русский отдел на международной выставке в Бреславле, 1913 г. [9, с. 31]

нуть чувства побежденной в те дни и ныне союзной нам Франции» [16, л. 24 об.]. В связи с этой главной идеей русской экспозиции стало прославление царствования Александра I и демонстрация вооружения. Для этого с помощью особого размещения памятников помещение визуально делилось на три части. В первой были представлены портреты, бюсты, личные предметы Александра I и царской семьи. Вторая часть была посвящена героям войны 1813–1815 гг. и включала в себя портреты, рисунки, бюсты, отдельные вещи М. И. Кутузова-Смоленского, М. Б. Барклая де Толли и еще 90 генералов, а также 25 портретов нижних чинов. В последней были представлены образцы вооружения и обмундирования русских войск эпохи наполеоновских войн. Для ознакомления с экспозицией русского отдела 1 июня 1913 г. по ходатайству Д. П. Струкова Николаю II был поднесен альбом фотографий [16, л. 14].

На страницах немецкой периодической печати широко освещалось проведение выставки в Бреславле. Профессор Ф. Рахваль в газете, имеющей мировую известность, «Frankfurter Zeitung» отмечал блестящее устройство русского отдела. Он указывал, «что количество подлинных форм прусской коллекции очень невелико <...> из фигур других государств следует в особенности упомянуть русские в количестве 10, одетые все в настоящие мундиры» [19, л. 320]. Данные манекены, изображающие нижних чинов различных полков, были специально изготовлены для России скульптором-художником, профессором Бреславля В. Шварцбахом. Корреспонденты других периодических изданий также отмечали ценность коллекции Российской империи.

17 августа 1913 г. русский отдел выставки посетил Германский император в сопровождении супруги и других членов семьи. Д. П. Струков отмечал, что Вильгельм II «оставался в русском отделе в продолжение 25 минут, живо интересуясь выставленными в нем памятниками, в особенности же Его Величество остался удивленным наличием в России форм обмундирования войск, современного эпохе Освободительной войны» [16, л. 25 об.].

Официальное завершение работы состоялось 13 октября. За пять месяцев по официальным данным выставку посетили 4 600 000 чел. [16, л. 25 об.]. По замечанию Дмитрия Петровича, гостей из России было немного, а из августейших особ в мероприятии приняла участие великая княгиня Мария Павловна в сопровождении великого князя Бориса Владимировича. 23 октября все русские памятники

в сохранности были отправлены обратно. Также по просьбе Оружейной палаты удалось отреставрировать редкий портрет Александра I, созданного художником Т. Лоуренсом.

Таким образом, выставка в Бреславле представляла собой один из крупнейших международных проектов в области сохранения памяти об эпохе наполеоновских войн. При этом каждая из стран-участниц стремилась использовать данное мероприятие в своих целях.

Монументы как элемент совместных мест памяти. Другим направлением в области коммеморации наполеоновских войн, получившим распространение в начале XX столетия, стала работа по созданию мест памяти, сочетающих в себе «три смысла: материальный, символический и функциональный» [1, с. 40]. В таком случае сооружаемые памятники на полях сражений играли роль свидетельства за этим пространством определенного культурного контекста. Организация различных церемоний и ритуалов наполняла эти места определенными символическими смыслами и актуализировала в обществе исторические сюжеты.

Накануне Первой мировой войны предпринимались активные усилия по увековечению памяти о битве под Лейпцигом, которая состоялась 4–7 октября 1813 г. Битва народов была одним из кровопролитных сражений в истории XIX в., закончившихся отступлением Наполеона во Францию. Германской империей данное событие воспринималось как начало возрождения, поэтому не случайно в 1913 г. празднование в Лейпциге являлось кульминацией торжеств, приуроченных к 100-летию юбилею Освободительной войны [10, с. 274]. По инициативе Союза германских патриотов было собрано свыше 6 млн марок для сооружения памятника-мавзолея высотой в 91 метр, строительство которого началось в 1898 г. Но и в Российской империи чтили память о Битве народов, в которой она потеряла 22 тыс. чел.

31 января 1909 г. последовало Высочайшее соизволение Николая II на сооружение храма или часовни в память о павших русских воинах под Лейпцигом, для чего разрешался повсеместный сбор пожертвований. По устоявшейся практике подобное решение сопровождалось учреждением межведомственной комиссии. 16 июля 1909 г. военный министр В. А. Сухомлинов обратился к генералу от инфантерии В. Г. Глазову с просьбой принять на себя выполнение обязательств по «организации сбора пожертвований, наилучшего их использования и разрешения всех могущих возникнуть при этом вопросов» [24, л. 5]. Но о создании особого комитета или комиссии ничего не говорилось. В. Г. Глазов согласился принять на себя данные обязательства.

Однако 21 апреля 1910 г., по воспоминаниям П. Н. Воронова, последовало Высочайшее соизволение на утверждение комитета по сооружению храма-памятника на поле Лейпцигского сражения под почетным председательством великого князя Михаила Александровича. Павел Николаевич отмечал, что идея сооружения памятника принадлежала «частному лицу, дочери действительного статского советника О. П. Дмитриевой» [14, с. 6]. Она также выступила с инициативой создания особого комитета. По всей видимости, активная деятельность Ольги Петровны, сложности сооружения памятника за границей, а также участие В. Г. Глазова в научных обществах, руководство межведомственной комиссией по празднованию 100-летия Отечествен-

Рис. 2. Проект храма-памятника на поле сражения под Лейпцигом в 1813 г.
Архитектор В. А. Покровский [14, с. 4]

ной войны 1812 г. стали причинами учреждения специального коллективного органа.

Фактическое руководство находилось в руках председателя комитета, функции которого были возложены на начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта Е. А. Гернгросса, а затем сменившего его на этом посту генерала от кавалерии Я. Г. Жилинского [25, л. 12]. Товарищем председателя был назначен отставной генерал-лейтенант П. Н. Воронов. Также в состав комитета входили почетные и действительные члены, среди которых были Санкт-Петербургский митрополит Анисий, действительный статский советник граф фон-дер Остен-Сакен, заслуженный профессор императорской Николаевской академии генерал-лейтенант Б. М. Колюбакин, директор женского педагогического института, действительный статский советник С. Ф. Платонов [25, л. 10–11 об.], граф Ф. Ф. Юсупов и др. Важную роль в сооружении храма сыграл член комитета, его представитель в Лейпциге, местный коммерсант Ф. В. Додель. Ему удалось добиться не только безвозмездной передачи участка под строительство, но и получить скидку у подрядчиков в размере 5 %, что позволило сэкономить 110–115 тыс. марок, что составляло 1/5 всей стоимости [26, л. 192–192 об.].

Лейпцигский комитет предложил воздвигнуть небольшой храм-памятник на 300 человек, «скромный по величине и не сравнимый с германским обелиском, но по красоте и пропорциям, отвечающий достоинству России и значению русского церковного зодчества» [25, л. 2]. Николаю II 5 июня 1911 г. были представлены три эскиза, разработанные академиком В. А. Покровским. Император сде-

лал выбор в пользу проекта, напоминающего храм Вознесения в Коломенском (рис. 2). Позже размеры предполагаемого сооружения были уменьшены с целью сокращения расходов на строительство [12, с. 65]. На стенах планировалось разместить имена офицеров и общее число погибших в сражении под Лейпцигом [26, л. 3–3 об.]. Также в храме предполагалось обустройство музея с предметами, относящимися к лейпцигскому сражению.

Необходимо отметить, что уже после учреждения комитета было предложено построить храм в Берлине, а не в Лейпциге. С подобной инициативой выступил настоятель посольской домово́й церкви в Берлине протоирей А. П. Мальцев. Он указывал, что русскому памятнику по размерам и богатству трудно будет выдержать соперничество с немецким. Также он обращал внимание на незначительное число православных жителей Лейпцига [25, л. 4–4 об.]. Члены лейпцигского комитета постановили, что данный вопрос не подлежит обсуждению, поскольку сбор пожертвований осуществлялся «на храм-памятник на поле лейпцигского сражения, а не в каком-либо другом месте» [25, л. 7].

15 декабря 1912 г. в 11 часов утра в Лейпциге состоялась торжественная закладка храма-памятника [24, л. 22], куда был командирован военный министр В. А. Сухомлинов, поскольку «Его Императорское высочество великий князь Михаил Александрович не изъявил согласия присутствовать на закладке» [26, л. 14]. На церемонии Россию также представляли командиры Лейб-гвардии Измайловского полка генерал-майор Н. М. Киселевский, Лейб-гвардии Павловского полка генерал-майор К. Г. Некрасов, Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка генерал-майор Г. А. Пономарев и Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады генерал-майор Н. П. Демидов [26, л. 18]. По воспоминаниям П. Н. Воронова, в мероприятии также приняли участие «все министры Саксонии, представители магистрата г. Лейпцига, саксонских войск, инославного духовенства, а также именитые г. Лейпцига граждане» [14, с. 66].

Однако пребывание российских военных в Германской империи вызвало неоднозначную реакцию в Париже, о чем указывал в своих воспоминаниях В. А. Сухомлинов. После закладки памятника он отправился во Францию, где тогда находилась его жена. Неожиданно ему пришла телеграмма из Петербурга, в которой содержались указания о необходимости нанести визит французскому президенту. Далее он писал: «Командировка нашей делегации в Лейпциг и мое посещение Потсдама вызвали в Париже известную сенсацию, для парирования которой признано было, в интересах политики, чтобы я представился официально главе нашей союзнице» [13, с. 59]. Но при личной встрече никто не затронул темы лейпцигских торжеств.

За два с половиной года на сооружение храма было собрано около 127 тыс. руб. Основными источниками пополнения капитала стали церковные сборы, частные пожертвования и деньги, вырученные с чтения лекций. Но на реализацию проекта требовалось 250 тыс. руб. [26, л. 74 об.]. В связи с нехваткой средств, в феврале 1913 г. в Государственную думу было внесено предложение о выделении из государственного казначейства 120 тыс. руб. на завершение строительства храма. Потребность в дополнительных ассигнованиях обосновывалась тем, что этот памятник будет «постоянным напоминанием для Европы о великой жертве и силе России» [26, л. 74 об.]. Отпуск денежных средств

был подтвержден на заседании думы 6 июня 1913 г. [26, л. 94 об.]. Несмотря на все трудности, строительство храма-памятника было закончено вовремя.

7 мая 1913 г. Николаем II была утверждена программа открытия и освящения памятника в Лейпциге [12, с. 75], предполагающая проведение всех официальных мероприятий с 3 по 5 октября. Последний день русских торжеств совпадал с открытием немецкого памятника Битве народов. Примечательно, что первоначально со стороны германского патриотического союза — главного организатора, подчеркивалось, что они не планируют направлять в какие-либо страны приглашения для открытия, а напротив ждут заявлений от желающих [26, л. 72 об.].

Подобная позиция немецкой стороны вызвала в среде российской общественности возмущение. От Общества ревнителей истории на имя Я. Г. Жилинского было направлено ходатайство о разрешении отправить делегацию за свой счет для присутствия на открытии немецкого памятника с целью «напомнить германскому народу о русских воинах, проливших свою кровь для освобождения и объединения Германии» [26, л. 79]. Представленное прошение было отклонено Генеральным штабом, поскольку «командирование такой делегации вопреки просьбе германского правительства, могло бы быть принято последним как нарушение правил международной вежливости» [26, л. 80 об.].

По мере приближения к знаменательной годовщине становился все более актуальным и приобретал политический характер вопрос о лицах, которые должны были присутствовать на открытии и русском памятника. В апреле-мае 1913 г. в Министерство иностранных дел Российской империи неоднократно «доверительно» поступала информация от министра-резидента в Дрездене, барона А. В. Вольфа о желательности приглашения тех или иных высочайших особ. Так, 27 мая 1913 г. сообщалось, что Германией на открытие своего памятника «кроме саксонского короля и всех членов королевского дома приглашены император Германский, император Австрийский, король Венгерский, король Шведский, король Вюртембергский, а также высочайшие особы» [26, л. 112]. Барон настаивал на необходимости их участия в русских торжествах.

По всей видимости, получение этой информации поставило в затруднительное положение Российскую империю, поскольку по установившимся требованиям коронованным особам приглашения на те или иные торжества направлялись за продолжительный период до предполагаемого события. Саксонский король еще в конце декабря 1912 г. официально уведомил Николая II об открытии памятника Битве народов. Но, несмотря на то, что до торжественных мероприятий оставалось три месяца, 28 июня 1913 г. приглашения представителям царствующих домов были разосланы [26, л. 137–138].

Свое личное присутствие подтвердил кайзер Германской империи, король Саксонии и король Вюртембергский. Австро-Венгрия и Швеция приняли приглашение и назначили в качестве своих представителей наследных принцев. Принц-регент Баварский и герцог Саксен-Готский выразили согласие на участие, в случае отсутствия непредвиденных обстоятельств. Николай II не планировал посещение русского памятника в день его освящения, поэтому 24 июля 1913 г. своим представителем

назначил великого князя Кирилла Владимировича [26, л. 163]. Таким образом, анализ делопроизводительной документации позволил воссоздать детали, раскрывающие особенности подготовительного этапа столь грандиозного события. Нерешительность и непоследовательность в решении некоторых вопросов, связанных с открытием памятников в Лейпциге, свидетельствовало о сложных отношениях между бывшими союзниками.

В связи с этим еще более противоречивым выглядит «отдельное австрийское торжество у памятника князю Шварценбергу в парке Мейсдорф близ Лейпцига» [26, л. 302], организованное эрцгерцогом Францем Фердинандом. Об этом лишь в конце сентября «весьма спешно и доверительно» было сообщено Я. Г. Жилинскому. К. Ф. Шварценберг в битве под Лейпцигом являлся главнокомандующим союзными войсками, но годом ранее он командовал вспомогательным австрийским корпусом, принимающим участие в походе Наполеона в Россию. Тем не менее Николай II 28 сентября одобрил участие Кирилла Владимировича и ограниченного числа лиц из военной делегации в торжествах у австрийского памятника [26, л. 313].

В соответствии с утвержденной программой 3 октября 1913 г. состоялось перенесение с Иоганновского кладбища праха русских воинов, павших под Лейпцигом, в склеп русского храма-памятника. Процессия в окружении многотысячной толпы с останками героев передвигалась по главным улицам города [27]. В тот же день в 5 часов вечера было совершено всенощное бдение и панихида по императору Александру I и всем погибшим в Битве народов. На следующий день состоялось освящение русского храма-памятника в присутствии военных и гражданских лиц из России и Саксонского королевства. Божественная литургия по случаю тезоименитства Алексея Николаевича и торжественный молебен стали кульминацией торжеств, приуроченных к открытию русского храма в Лейпциге. 5 октября после освящения и открытия немецкого монумента высочайшие гости и особы переместились к русскому памятнику, которых лично встречал Кирилл Владимирович [28]. Однако в своих воспоминаниях великий князь указал только то, что он «по поручению Государя присутствовал на открытии мемориала солдатам русской и союзных армий, павшим в битве при Лейпциге» [15].

Храм-памятник в Лейпциге являлся последним крупным архитектурным объектом, сооруженным Российской империей за границей. Но расположение за пределами государства создавало немало трудностей для его содержания. Спустя месяц после его открытия на страницах периодических изданий появились заметки о том, что «церковь находится в хозяйственном владении немцев, установивших за право осмотра особую входную плату 1 марку, взимаемую сторожами немцами, разгуливающими по храму в головных уборах, что является оскорбительным для русского религиозного чувства» [26, л. 333]. Появление подобной информации ускорило учреждение причта и закона об отпуске денежных средств на содержание храма, в соответствии с которым начиная с 1915 г. должно было осуществляться ассигнование в размере 7787 руб. в год. [12, с. 88].

Заключение. Таким образом, в начале XX столетия было выявлено две формы международного сотрудничества Российской и Германской империй в области сохранения памяти о событиях эпохи

наполеоновских войн. Первая — это организация международной выставки в Бреславле. Ее временный характер, ограниченное количество участников в лице специальной комиссии по устройству русского отдела не могли обеспечить длительного сохранения памяти о вкладе русской армии в противостоянии с революционной Францией. Второй формой международного сотрудничества накануне Первой мировой войны в сфере увековечения памяти о значимых военных событиях стало создание мест памяти. Сооружение русского и немецкого памятников на поле Лейпцигского сражения закрепляло за этим пространством определенный культурный контекст и смысловое значение не только для современников, но и для будущих потомков. Несмотря на видимое отсутствие враждебности в официальных кругах со стороны Германской империи по отношению к России, анализ делопроизводительной документации продемонстрировал наличие некоей конкуренции. Это нашло отражение в рефлексии представителей российской общественности относительно размеров, места сооружения, участия тех или иных лиц в открытии русского храма-памятника.

Несмотря на то, что представленные проекты отличались по своей форме, охвату аудитории, влиянием на сознание современников, их объединяла общая цель — сохранение памяти о героическом прошлом. Но при этом каждая из стран попыталась представить свое видение военного конфликта. В процессе организации выставки в Бреславле и сооружения храма-памятника со стороны России прослеживалась генеральная линия в демонстрации своей значимости на внешнеполитической арене, роли в объединении Германии, силе армии, стремлении не задеть чувства Франции. Германская империя в своем дискурсе акцентировала внимание на возрождении, начале нового этапа для немецких государств, укреплении взаимоотношений с Австро-Венгрией. Таким образом, одной из проблем в ходе реализации общих проектов стало разное содержание национальных нарративов о совместном боевом прошлом, что во многом было обусловлено сложными внешнеполитическими отношениями между бывшими союзниками накануне Первой мировой войны.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-78-01190 («Военные события в исторической памяти российского общества в начале XX века»), <https://www.rscf.ru/project/23-78-01190/>.

Примечания

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

Библиографический список

1. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50. ISBN 5-288-02318-2.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с. ISBN 978-5-4448-0146-8.
3. Батищев Р. Ю. Память о войнах и «войны памяти» в современных memory studies: основные подходы к изучению и ключевые акторы // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2, № 1.

С. 34–42. DOI: 10.15826/tetm.2021.1.005. EDN: BZOMCC.

4. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Поле боя — историческая память: военная история России XX века в контексте психологической войны и современной геополитики // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 1. С. 106–125. EDN: YQGWRWF.

5. Moss G. L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1990. 272 p.

6. Лапин В. В. Трехсотлетие дома Романовых и военные юбилеи начала XX века // 400-летие дома Романовых: политика памяти и монархическая идея, 1613–2013: сб. ст. Санкт-Петербург, 27–28 марта 2014 г. Санкт-Петербург: Изд-во ЕУСПб, 2016. С. 164–180. EDN: XMQJAD.

7. Павленко В. В. Деятельность провинциальных государственных и общественных учреждений по подготовке празднования 100-летия Отечественной войны 1812 года на примере Смоленской губернии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 9 (110). С. 144–152. EDN: QIZPWD.

8. Дмитриева О. О. Деятельность государственной власти и общества в Российской империи по формированию коммеморативных практик об Отечественной войне 1812 года (XIX–начало XX века): дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2019. 226 с.

9. Рудакова Л. П. Генерал-майор Дмитрий Петрович Струков (Летопись жизни и деятельности, 1864–1920). Санкт-Петербург, 2017. 63 с.

10. Война, политика, память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / Под ред. О. С. Поршневой, Н. Н. Барановой, В. Н. Земцова. Москва: Политическая энциклопедия, 2021. 551 с. ISBN 978-5-82-432417-4.

11. Голотина А. И. Кайзер, воин, охотник на львов: 100-летний юбилей Битвы народов и немецкое общество // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2022. Т. 12, № 1. С. 49–64. EDN: JASNAR.

12. Гаврилов С. А. Из истории создания храма-памятника во имя Святителя Алексия в Лейпциге // Русский храм-памятник в Лейпциге: сб. науч. тр. / сост., отв. ред. М. Э. Дмитриева. Санкт-Петербург: Коло, 2015. С. 59–125. ISBN 978-4-4462-0054-2.

13. Сухомлинов В. А. Воспоминания Сухомлинова. Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1926. 334 с.

14. Воронов П. Н. Храм-Памятник на поле сражения под Лейпцигом (К столетию «Битвы народов» под Лейпцигом 4–7 октября 1813 г.) // Русская старина. 1913. Т. CLVI (156), вып. 10–12. С. 4–6.

15. Кирилл Владимирович, Император. Моя жизнь на службе России. Санкт-Петербург: Лики России, 1996. 334 с. ISBN 5-87417-027-8.

16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1085.

17. Пахалюк К. А. Россия и Болгария: между «войнами памяти» и поиском общего прошлого // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4 (61). С. 178–203. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-178-203. EDN: YMZVAL.

18. Международная выставка в Бреславле // Юго-Западный край. 1913. 12 мая.

19. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 22. Оп. 92. Д. 87.

20. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 80.

21. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 578. Оп. 1. Д. 171.

22. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 829.

23. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1777.

24. Российский государственный исторический архив. Ф. 992. Оп. 1. Ед. хр. 115.

25. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1070.

26. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1083.

27. Русский инвалид. 1913. 4 октября.

28. Русский инвалид. 1913. 8 октября.

ЛИЗОГУБ Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и политологии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, г. Омск.

SPIN-код: 7798-6721

AuthorID (РИНЦ): 552479

ResearcherID: Y-8523-2019

Адрес для переписки: chestopalova94@mail.ru

Для цитирования

Лизогуб А. С. Сохранение памяти о наполеоновских войнах: формы международного сотрудничества России и Германской империи в начале XX в. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 33–41. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-33-41.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023 г.

© А. С. Лизогуб

KEEPING THE MEMORY OF NAPOLEONIC WARS: FORMS OF INTERNATIONAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE GERMAN EMPIRE AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

The article is devoted to the characteristics of the main forms of international cooperation used at the beginning of the twentieth century keeping the memory of significant events in military history. Based on archival documents, press materials and personal testimonies, the preparation, semantic content and attitude of society towards Russia's participation in commemorative projects implemented on the territory of the German Empire on the eve of the First World War are analyzed. The focus is on considering the features and problems of building narratives about the joint military past of the two empires within the framework of the international exhibition in Breslau and the opening of monuments in Leipzig. The author concluded that the implementation of commemorative projects dedicated to the 100th anniversary of the victory in the Napoleonic wars is influenced by the existing system of international relations. Behind the scenes of the grandiose celebrations was hidden the desire of the German Empire to provide a historical justification for its foreign policy course. For the Russian state, participation in joint projects provided an opportunity to remind Europe of its role in the international arena and the strength of the army. Promising directions for further research of the problem are outlined.

Keywords: politics of memory, commemorative practices, international cooperation, places of memory, Napoleonic wars, battle of Leipzig, Russian Empire, German Empire.

Acknowledgments

The article is prepared with the financial support of the Russian National Science Foundation grant No. 23-78-01190 («Military events in the historical memory of Russian society at the beginning of the 20th century»), <https://www.rscf.ru/project/23-78-01190/>.

References

1. Nora P. Problematika mest pamyati [Problems of places of memory] // *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. Saint Petersburg, 1999. P. 17–50. ISBN 5-288-02318-2. (In Russ.).
2. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow, 2014. 328 p. ISBN 978-5-4448-0146-8. (In Russ.).
3. Batishchev R. Yu. Pamyat' o voynakh i «voyny pamyati» v sovremennykh memory studies: osnovnyye podkhody k izucheniyu i klyuchevyye aktory [War memory and «memory wars» in modern memory studies: the main approaches and key actors] // *Tempus et Memoria. Tempus et Memoria*. 2021. Vol. 2, no. 1. P. 34–42. DOI: 10.15826/tetm.2021.1.005. EDN: BZOMCC. (In Russ.).
4. Senyavskiy A. S., Senyavskaya E. S. Pole boya – istoricheskaya pamyat': voyennaya istoriya Rossii XX veka v kontekste psikhologicheskoy voyny i sovremennoy geopolitiki [The battlefield is historical memory: the military history of Russia in the twentieth century in the context of psychological warfare and modern geopolitics] // *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoyevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy. Journal of Russian and East European Historical Research*. 2010. No. 1. P. 106–125. EDN: YQGWRP. (In Russ.).
5. Moss G. L. *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1990. 272 p. (In Engl.).
6. Lapin V. V. Trekhsotletiyе doma Romanovykh i voyennyе yubiley nachala XX veka [The three hundredth anniversary of the Romanov house and military anniversaries of the early twentieth century] // 400-letiyе doma Romanovykh: politika pamyati i monarkhicheskaya ideya, 1613–2013. *400th Anniversary of the House of Romanov: Politics of Memory and the Monarchical Idea, 1613–2013*. Saint Petersburg, 2016. P. 164–180. EDN: XMQJAD. (In Russ.).
7. Pavlenko V. V. Deyatel'nost' provintsial'nykh gosudarstvennykh i obshchestvennykh uchrezhdeniy po podgotovke prazdnovaniya 100-letiya Otechestvennoy voyny 1812 goda na primere Smolenskoй gubernii [The provincial government

and public institutions' activities for celebration of the Patriotic War of 1812, by the example of Smolensk province] // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul'turologiya. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology*. 2013. No. 9 (110). P. 144–152. EDN: QIZPWD. (In Russ.).

8. Dmitriyeva O. O. Deyatel'nost' gosudarstvennoy vlasti i obshchestva v Rossiyskoy imperii po formirovaniyu kommemorativnykh praktik ob Otechestvennoy voyne 1812 goda (XIX–nachalo XX veka) [Activities of state authorities and society in the Russian Empire in the formation of commemorative practices about the Patriotic War of 1812 (XIX–early XX centuries)]. *Cheboksary*, 2019. 226 p. (In Russ.).

9. Rudakova L. P. General-mayor Dmitriy Petrovich Strukov (Letopis' zhizni i deyatel'nosti, 1864–1920) [Major General Dmitry Petrovich Strukov (Chronicle of life and activity, 1864–1920)]. *Saint Petersburg*, 2017. 63 p. (In Russ.).

10. Voyna, politika, pamyat': Napoleonovskiye voyny i Pervaya mirovaya vojna v prostranstve yubileyev [War, politics, memory: Napoleonic Wars and the First World War in the space of anniversaries] / ed. by O. S. Porshnevoy, N. N. Baranovoy, V. N. Zemtsova. *Moscow*, 2020. 551 p. ISBN 978-5-82-432417-4. (In Russ.).

11. Golotina A. I. Kayzer, voyn, okhotnik na l'vov: 100-letniy yubiley Bitvy narodov i nemetskoye obshchestvo [Kaiser, warrior and lion hunter: 100th anniversary of the battle of the nations and German society] // *Imagines mundi: al'manakh issledovaniy vseobshchey istorii XVI–XX vv. Imagines Mundi: an Almanac Exploring the General History of the 16th–20th Centuries*. 2022. Vol. 12, no. 1. P. 49–64. EDN: JASNAR. (In Russ.).

12. Gavrilov S. A. Iz istorii sozdaniya khrama-pamyatnika vo imya Svyatitelya Aleksiya v Leyptsige [From the history of the creation of the memorial church in the name of St. Alexius in Leipzig] // *Russkiy khram-pamyatnik v Leyptsige. Russian Temple-Monument in Leipzig / ed. by M. Je. Dmitrieva*. *Saint Petersburg*, 2015. P. 59–125. ISBN 978-4-4462-0054-2. (In Russ.).

13. Sukhomlinov V. A. Vospominaniya Sukhomlinova [Memoirs of Sukhomlinov]. *Moscow; Leningrad*, 1926. 334 p. (In Russ.).

14. Voronov P. N. Khram-Pamyatnik na pole srazheniya pod Leyptsigom (K stoletiyu bitvy narodov pod Leyptsigom 4–7 oktyabrya 1913 g.) [Temple-Monument on the battlefield near Leipzig (To the centenary of the Battle of the Nations near Leipzig, October 4–7, 1913)] // *Russkaya starina. Russian Antiquity*. 1913. Vol. CLVI (156), no. 10–12. P. 4–6. (In Russ.).

15. Kirill Vladimirovich, Imperator. Moya zhizn' na sluzhbe Rossii [Kirill Vladimirovich, Emperor. My life is in the service of Russia]. *Saint Petersburg*, 1996. 334 p. ISBN 5-87417-027-8. (In Russ.).

16. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive (RSMHA)]. File: 2000/2/1085. (In Russ.).

17. Pakhalyuk K. A. Rossiya i Bolgariya: mezhdru «voynami pamyati» i poiskom obshchego proshlogo [Russia and Bulgaria: from «memorial wars» to the search for common past] // *Vestnik MGIMO-Universiteta. MGIMO Review of International Relations*. 2018. No. 4 (61). P. 178–203. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-178-203. EDN: YMZVAL. (In Russ.).

18. Mezhdunarodnaya vystavka v Breslavle [International Exhibition in Breslav] // *Yugo-Zapadnyy kraj. Southwestern Region*. 1913. May 12. (In Russ.).

19. Voenno-istoricheskiy muzey artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi [Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Corps]. File: 22/92/87. (In Russ.).

20. Otdel rukopisey Rossiyskoy natsional'noy biblioteki [Manuscripts Department of the Russian National Library]. File: 152/3/80. (In Russ.).

21. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voenno-Morskogo Flota [Russian State Archive of the Navy]. File: 5782/1/171. (In Russ.).

22. RGVIA [RSMHA]. File: 970/3/829. (In Russ.).

23. RGVIA [RSMHA]. File: 970/3/1777. (In Russ.).

24. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive]. File: 992/1/115. (In Russ.).

25. RGVIA [RSMHA]. File: 2000/2/1070. (In Russ.).

26. RGVIA [RSMHA]. File: 2000/2/1083. (In Russ.).

27. Russkiy invalid. *Russian Disabled Person*. 1913. October 4. (In Russ.).

28. Russkiy invalid. *Russian Disabled Person*. 1913. October 8. (In Russ.).

LIZOGUB Anna Sergeyevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of National History and Political Science Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk.

SPIN-code: 7798-6721

AuthorID (RSCI): 552479

ResearcherID: Y-8523-2019

Correspondence address: chestopalova94@mail.ru

For citations

Lizogub A. S. Keeping the memory of Napoleonic wars: forms of international cooperation between Russia and the German Empire at the beginning of the twentieth century // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 2. P. 33–41. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-33-41.

Received November 7, 2023.

© A. S. Lizogub